

роман

КОМНАТА СПЯЩИХ

темные тайны

Темные тайны

Фрэнк Тэллис

Комната спящих

«Центрполиграф»

2013

Тэллис Ф. Р.

Комната спящих / Ф. Р. Тэллис — «Центрполиграф»,
2013 — (Темные тайны)

Молодой талантливый психиатр Джеймс Ричардсон получает предложение работать с известным харизматичным доктором Хью Мейтлендом. Для него это уникальная возможность принять участие в интересном с научной точки зрения эксперименте. Шесть тяжело больных женщин погружены в искусственный сон, который должен исцелить их и вернуть к полноценной жизни. Но так ли благородны цели Мейтленда? В чем состоит истинный эксперимент? Между тем в больнице происходят странные, зловещие события. Доктор Ричардсон не может найти другого объяснения, кроме как вмешательство сверхъестественных сил, но развязка оказывается еще более неожиданной...

© Тэллис Ф. Р., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ф. Р. Тэллис

Комната спящих

Copyright © F. R. Tallis 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2015

Глава 1

Тем утром я очень волновался: мне предстояло собеседование. Явственно припоминаю – был конец августа, один из последних теплых дней того удивительно погожего лета. Небо над Трафальгарской площадью сияло голубизной, вода в фонтанах искрилась, будто стекло. В кармане у меня лежал конверт с ответом от Хью Мейтленда. На толстом листе кремовой бумаги было написано: «Предлагаю встретиться в клубе. Так удобнее всего, у меня там назначена другая встреча на половину десятого».

В студенческие годы я часто слушал выступления Мейтленда по радио. Он был завсегда-таем дискуссионных программ, в начале которых струнный квартет неизменно играл что-то современное, прогрессивное – например, Бартока. Я выключал свет, ложился на кровать и впитывал каждое слово. Приятный голос интеллигентного человека – богатый модуляциями, добродушный, но в случае необходимости способный опуститься до угрожающе низкого регистра и звучать властно, повелительно. Оглядываясь назад, понимаю, что Мейтленд был типичной фигурой для того времени, представителем возникшей в послевоенные годы профессиональной элиты. Этим людей объединяло одно – несокрушимая вера в себя и твердая убежденность, что их судьба – обеспечить всему человечеству светлое будущее.

Мейтленд возглавлял отделение психологической медицины в больнице Святого Томаса, но при этом успевал работать в качестве консультанта в трех других больницах – Модсли, Белмонте и Вест-Эндской клинике для нервных больных. Научные статьи Мейтленда регулярно печатались в «Британском журнале психиатрии», а знаменитый учебник (до сих пор помню светло-голубую суперобложку) был только что переиздан.

Клуб «Брекстон» находился с южной стороны Карлтон-Хаус-Террас и выходил окнами на Сент-Джеймс-парк. Обстановка оказалась в точности такой, как я и ожидал, – дубовые панели, старинные гравюры, запах полироли для дерева и аромат табака. Привратник принял у меня пальто и сопроводил в приемную, я опустился в кожаное кресло и стал ждать, слушая громкое тиканье напольных часов. На столике лежали ежедневные газеты – аккуратно сложенные, ни одной измятой. Корешки были такие ровные, что возникло подозрение: их предварительно прогладили утюгом. Но я был слишком взвинчен, чтобы читать. Прошло около пяти минут, когда меня наконец провели наверх, в библиотеку.

У некоторых высоких мужчин есть привычка горбиться, однако, поднявшись с кресла, Мейтленд выпрямился во весь свой могучий рост и горделиво вскинул подбородок. На нем был идеально сидящий костюм в тонкую полоску, явно сшитый в престижном ателье на Севил-Роу. К галстуку был приколот какой-то значок – видимо, признак принадлежности к сообществу колледжа. Глаза карие, чуть запавшие, волосы зачесаны назад. Судя по жирному блеску, Мейтленд явно переборщил с помадой для волос. Зубчики расчески проложили в волосах глубокие борозды, демонстрируя, как старательно подошел к делу владелец. Пожалуй, Мейтленда можно было назвать импозантным, хотя впечатление от твердых, мужественных черт лица несколько портил второй подбородок, а лоб пересекали горизонтальные морщины.

– Доктор Ричардсон, – произнес Мейтленд, протягивая руку. Я сразу узнал голос. Пожатие было крепким, в ответ я невольно напряг собственные пальцы. – Спасибо, что пришли.

Тогда я временно работал в больнице Ройал-Фри – случилась вспышка необычного, неизвестного заболевания. Симптомы включали мышечные боли, апатию и депрессию. Жертвами стали более двухсот человек, в том числе значительная часть персонала. Мейтленд спросил, занимался ли я кем-то из пациентов, и предложил высказать мои предположения относительно диагноза и возможной причины заболевания.

– Клиническая картина, – наконец осмелился заговорить я, – наводит на мысль об энцефаломиелите – скорее всего, вирусном, передающемся при прямом контакте.

Одобрительно кивнув, Мейтленд разложил на столе мое заявление о приеме на работу и рекомендации. Немного поговорили о моих студенческих годах, особенно о спортивных достижениях. Я играл в регби – Мейтленда это заинтересовало.

– А почему бросили? – спросил он.

– Травма ноги.

– Какая жалость, – искренне произнес он.

Позже я узнал, что из-за сильного обострения туберкулеза он сам был вынужден преждевременно завершить блестящую карьеру регбиста.

Обсудили мою стажировку в больнице Сент-Джордж под руководством сэра Пола Маллинсона, исследования, проведенные мной в лаборатории сна в Эдинбурге, а также две статьи (недавно принятые «Британским медицинским журналом»).

Мейтленд сложил бумаги в стопку и прихлопнул ладонями края, чтобы лежали ровно. После чего, наклонившись вперед, спросил:

– Скажите, доктор Ричардсон, почему вас привлекает именно эта вакансия? Для человека с таким послужным списком оплата достойная, но можно ведь найти и лучше. Особенно с блестящими рекомендациями от самого сэра Пола.

– Я давно уже интересуюсь вашей работой. Для меня это будет уникальная возможность.

Мейтленд не смог устоять перед лестью, уголки его губ чуть приподнялись, но вскоре довольная улыбка исчезла, и лицо Мейтленда приняло хмурое выражение.

– Вас не смущает расположение?

Я не сразу сообразил, о чем он, и, заметив мое замешательство, Мейтленд прибавил:

– Уилдерхоуп – место достаточно глухое. Провинциальный Саффолк.

– Но туда ведь ходят поезда?

– Разумеется. И автобусы тоже.

– В таком случае не вижу проблемы. Машины у меня нет, но если ходят поезда и автобусы...

Морщины на лбу Мейтленда пролегли еще глубже.

– Предыдущий ординатор, Палмер, поначалу не обратил внимания на данное обстоятельство, однако у меня создалось впечатление, что именно это ему и не понравилось. Я, конечно, стараюсь приезжать в Уилдерхоуп хотя бы раз в неделю, но большую часть времени придется справляться одному.

Я пожал плечами:

– Лишь бы инструкции были исчерпывающие.

Мейтленд снова улыбнулся:

– Простите. Отставка Палмера стала для меня неожиданностью. Впрочем, я сам виноват. Ошибся в нем. А теперь позвольте рассказать о больнице. Это очень интересно. – Мейтленд достал из кармана пиджака узкий серебряный портсигар и предложил мне сигарету. Дал прикурить мне, потом прикурил сам и подтолкнул ко мне хромовую пепельницу. – Раньше Уилдерхоуп был охотничьей резиденцией и принадлежал семейству Гезеркоул – восточно-английской аристократии. Во время Первой мировой дом был пожертвован армии в качестве помещения под госпиталь для выздоравливающих. Позже госпиталь превратился в административное здание, а впоследствии – в разведывательный центр. Говорят, однажды там останавливался Черчилль, когда приезжал на тренировочную базу в Орфорд-Несс. Я много лет искал как раз такое место. Когда узнал, что военным здание больше не нужно, навел справки, оживил старые связи. – Мейтленд затянулся. – У нас двадцать четыре места. Два крыла и наркозная комната. Также осуществляем амбулаторное лечение, хотя и не очень часто, иногда выезжаем на дом – пришлось согласиться, чтобы Медицинский совет успокоился.

– А откуда поступают пациенты? – спросил я.

– Из лондонских обучающих больниц. Но наша репутация распространяется быстро. Лечебный центр подобного типа чрезвычайно полезен. Пока что учреждение невелико, но, уверен, в скором времени начнет расти. Медсестер девять. Восемь моих Флоренс Найтингейл¹ и местная девушка, она проходит у нас обучение. Еще завхоз, Хартли, а кухней заведует его жена.

– А сколько медицинского персонала?

– Врач всего один.

От неожиданности я запнулся.

– Один врач?

– Да.

– Но...

– Знаю, о чем вы подумали. Не беспокойтесь. Работать без передышки не придется. У нас договоренность с деревенской больницей под Саксмандемом. Дежурный психиатр будет подменять вас почти каждые выходные.

Мейтленд потянул шнур и продолжил рассказывать об Уилдерхоупе, своем желании создать поистине совершенное учреждение, расширить больницу, пристроив будущей весной два новых крыла. Я отметил, что Мейтленд стал общаться со мной менее сдержанно. Затем настоял, чтобы я взял еще сигарету. Мейтленд был ярким критиком психотерапии и, восхищаясь новейшими достижениями в области фармацевтики, бранил новомодных «коммерсантов» с их кушетками.

– Методы Фрейда удручающе неэффективны. Вся эта болтовня – потерянное время... Триста миллиграммов хлорпромазина стоят нескольких месяцев психоанализа! Согласны? Сны, бессознательное, примитивные инстинкты! Психиатрия – ветвь медицины, а не философии. Причина психического заболевания лежит в физическом органе, мозге, и должна лечиться соответственно.

Мейтленд пристально посмотрел мне в глаза, высматривая знаки недовольства или несогласия, потом продолжил вдохновенную речь. Я подумал, что Мейтленд мог бы сделать успешную карьеру в качестве военного. Легко представить, как он командует гарнизоном в каком-нибудь далеком форпосте империи.

В дверь постучали, вошел официант с подносом, на котором стояли два стакана виски. Рановато для крепких напитков, отметил я. Когда мы снова остались наедине, Мейтленд поднял стакан и подал знак, чтобы я последовал его примеру.

– Поздравляю! – проговорил он с широкой улыбкой.

– Прошу прощения?

– Поздравляю. Работа ваша.

* * *

Летом я встречался с девушкой по имени Шейла, секретаршей на Би-би-си. Общего у меня с ней было мало, но вместе нам было весело – танцевали, ходили в джаз-клубы. Мы договорились встретиться в семь тридцать, но Шейла, как всегда, опоздала – я уже к этому привык и сносил без жалоб. Я сидел за столиком в кафе в Сохо и наблюдал за посетителями – мужчинами в твидовых пиджаках с кожаными заплатками на локтях, женщинами в белых блузках и слаксах. В граммофон была поставлена поцарапанная пластинка с записью неаполитанских песен.

Пришла Шейла, некоторое время мы болтали ни о чем. Невероятно, но факт – наши долгие дружеские разговоры всегда были на удивление бессодержательны. Даже после секса.

¹ Найтингейл Флоренс (1820–1910) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании. (Примеч. ред.)

В постели мы всегда обсуждали что-то незначительное, равнодушно обменивались мнениями и засыпали. На половине *O sole mio* я набрался смелости и сообщил ей новость.

– Сегодня у меня было собеседование.

– Да? И как, получил работу?

– Получил.

– Молодец. – Шейла прочла в моем взгляде нерешительность и легкие угрызения совести. – Что такое?

– К сожалению, придется переехать в Саффолк.

– Когда?

– Довольно скоро.

Шейла восприняла новость с типичным для нее жизнерадостным равнодушием. Подозреваю, на самом деле она почувствовала облегчение. Не будет ни сцены расставания, ни неловкости, ни притворства. Мы просто разойдемся, каждый своей дорогой. Допив кофе, сходили на комедию в «Астории», а когда пришло время прощаться, Шейла поцеловала меня и сказала:

– Удачи. Надеюсь, у тебя все получится.

Запрыгнула в автобус и помахала через окно. Вскоре автобус скрылся в потоке транспорта, направлявшегося в сторону Юстона.

Я же взял курс на север, в Кентиш-Таун, незначительное расстояние от станции до дома проделал пешком. Я снимал комнату на третьем этаже. Стоило открыть входную дверь, и в нос ударил до боли знакомый «аромат» тушеных овощей. Неаппетитный запах, вывести который невозможно. Было всего половина двенадцатого, но хозяйка, вдова по имени миссис Бриггс, вышла из гостиной и пронзила меня суровым взглядом. Волосы убраны в сеточку, руки скрещены на груди.

– Вы сегодня поздно, доктор Ричардсон.

– Да. Задержали в больнице.

– Понимаю.

Поплотнее затянув пояс халата, прибавила:

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, миссис Бриггс.

– Не забудьте выключить свет на площадке.

– Не забуду, миссис Бриггс. Еще раз доброй ночи.

Я попытался тихо подняться по лестнице, но ничего не вышло. Почти каждая ступенька громко скрипела. Войдя в свою комнату, я поставил стул у окна и стал смотреть на безоблачное небо. Над дымоходными трубами поднялась полная луна, черепицу озаряло серебристое сияние. О Шейле я даже не думал. Все мысли занимал Мейтленд.

* * *

В день отъезда я хотел сесть на утренний поезд, но из-за административной ошибки пришлось вернуться в Ройал-Фри. Нужно было подписать какие-то документы. Присланный мне на замену доктор Коллинз только что прибыл, и по глупости я позволил втянуть себя в нудную процедуру передачи обязанностей. Коллинз задал великое множество вопросов. К стыду своему, я совсем потерял терпение.

До вокзала на Ливерпуль-стрит добрался только вечером, как раз успел на поезд в шесть тридцать четыре до Ипсвича. Доехав до места, позвонил завхозу мистеру Хартли и сообщил, что задерживаюсь. Заранее договорились, что мистер Хартли встретит меня в Уилдерхоупе и проводит в отведенные мне комнаты. Мистер Хартли, кажется, нисколько не огорчился, просто сказал: «Позвоните, когда приедете в Дарем». Я благополучно доехал до Вудбриджа, но на путях сломался сигнал, так что пришлось высаживаться и ждать еще два часа. Наконец подъ-

ехал маленький дымящий локомотив с двумя пустыми вагонами. Я взял чемодан, сел в вагон и, пройдя по узкому коридору, вошел в первое купе. Не успел я сесть, как раздался свисток, и поезд неторопливо покатил вперед.

Когда выехали из Вудбриджа, наконец представилась возможность полюбоваться природой – низкие покатые холмы, плоские равнины... Вскоре наступила ночь, окна почернели, и единственное, что можно было через них разглядеть, – собственное отражение. Поезд останавливался еще на двух станциях, Мелтон и Уикхем-Маркет, но мой вагон продолжал пустовать. В Саксмандеме до меня донесся звук хлопнувшей двери, и спустя несколько секунд перед моим купе стоял мужчина. Заглянул внутрь через стекло, и наши взгляды встретились. Прежде чем я успел отвести глаза, мужчина отодвинул дверь и шагнул внутрь. Кивнул, сняв шляпу, и опустился на сиденье напротив. Между тем поезд пришел в движение, станция начала медленно удаляться.

– Вы в Ловстофт? – спросил мужчина.

– Нет, – ответил я. – В Дарем.

– В Дарем? – переспросил он. В его голосе сквозило удивление.

– Ну, не совсем, – поправился я. – Мне нужно в Данвич-Хит. Там открылась новая больница. Я врач.

– Уилдерхоуп-Холл.

– Да.

Можно было подумать, раз мой попутчик выбрал единственное занятое купе в вагоне, ему нужна компания. Но данное предположение оказалось ошибочным. Казалось, удовлетворив любопытство относительно цели моего путешествия, он утратил всякий интерес к разговору. Мужчина сидел неподвижно, слегка нахмурившись, пальцы крепко сжимали колени. Я отвернулся к окну. Спустя несколько минут попутчик заговорил снова:

– Все были против.

– Прошу прощения?

– Против больницы. Людям не хотелось, чтобы прямо под носом дурдом открывали.

Его поведение и манера разговаривать порядком раздражали.

– Что ж, – ответил я. – Печально слышать. Но о душевнобольных тоже необходимо подумать. Должны же их где-то лечить.

Мужчина закусил нижнюю губу и снова умолк. Я уже собрался перебраться в другое купе, но потом передумал. Вместо этого решил отвлечься и углубился в учебник Мейтленда. Когда поезд наконец прибыл в Дарем, я покинул вагон со всей возможной поспешностью.

Шагнул на окутанную туманом платформу. Раздался протяжный металлический скрежет. Внутри кабины виднелись всполохи огня, из трубы вылетали сверкающие искры, зависающие в воздухе причудливыми созвездиями. Все это отчего-то создавало зловещее впечатление. Я посмотрел на часы и остановился, глядя вслед отъезжающему поезду. Колеса крутились, а я замер неподвижно, как замороженный следя за тем, как вагоны исчезают в темной дымке. Затем поднял чемодан, зашагал к краю платформы и спустился на дорогу. В нескольких ярдах от места, где я стоял, была телефонная будка. Зайдя внутрь, я поднял трубку, но, прижав ее к уху, не услышал гудка. Выругавшись вслух, повесил трубку, потом снова снял. Опять тишина. Глубоко вздохнул и, толкнув спиной дверь, вышел наружу.

Перед глазами извивались языки тумана. Рискнул отойти на несколько шагов от будки, но даже с такого близкого расстояния станцию было не разглядеть, будто она исчезла. Несмотря на это обстоятельство, я решительно двинулся вперед, надеясь дойти до ближайшей деревни. Вспомнились слова Мейтленда о том, что Уилдерхоуп – «место достаточно глухое», и его предположение, что предыдущий ординатор, Палмер, уволился именно из-за этого. В тот момент раздался вой какого-то ночного зверя, один из тех меланхолических призывов, который с лег-

костью можно принять за плач младенца. Сочетание густого тумана и заунывных завываний вынудило меня растерять последние остатки решимости, и я повернул обратно.

Я снова поднялся на платформу и стал прохаживаться из стороны в сторону. Дверь в билетную кассу была заперта, за окнами здания – темно, а единственным источником освещения выступал ряд фонарей. Но дверь в зал ожидания оказалась открыта. Я зашел внутрь, сел на скамейку и задумался, как поступить. Похоже, оставалось одно – дожидаться, пока туман рассеется, и еще раз попытаться дойти до деревни.

Прошло несколько минут. Все это время я уныло глядел в окно. И тут услышал шаги. Я вскочил, выбежал наружу и увидел, что навстречу мне движется яркий свет, лучи которого прорезывали окружающий туман. Я поднял руку, прикрывая глаза. Кто-то окликнул: «Эй!», и через несколько секунд ко мне подошел человек в униформе. Это оказался станционный смотритель, кативший рядом с собой велосипед. Я был так рад его видеть, что даже рассмеялся от облегчения.

– Добрый вечер.

– Только поглядите! – воскликнул смотритель и обвел все вокруг широким жестом, заставив туман заколыхаться. – Час назад с болот нанесло.

– А скоро прояснится?

– По-разному бывает. Когда скоро, а когда и нет.

– Вы не могли бы мне помочь? Я доктор Ричардсон. Меня ждут в Уилдерхоуп-Холл, новой больнице в Данвич-Хит.

Видимо, смотрителю это название ни о чем не говорило.

– Телефон в будке сломался, – продолжил я. – Можно позвонить по вашему? Иначе, боюсь, придется провести здесь всю ночь.

Смотритель показал мне дорогу в свой кабинет, и я позвонил мистеру Хартли, который на этот раз проявил гораздо меньше понимания.

– Сейчас приеду, надо же вас забрать, – проворчал он.

Смотритель сообщил, что Данвич-Хит всего в пяти милях отсюда:

– Долго ждать не придется.

Он запер кабинет, и мы вместе зашагали по платформе. Когда дошли до края, он сел на велосипед, пожелал мне доброй ночи и, нажав на гудок, скатился вниз.

Я встал под козырьком и попробовал смотреть по сторонам, но ничего не мог разглядеть. Тишина царил удивительная. Ни единого звука. Мимо на очень маленькой скорости проехала машина, и следующую я увидел только через полчаса, когда прибыл мистер Хартли.

Мистер Хартли оказался высоким человеком крупного телосложения с изрытым оспинами лицом и носом картошкой. Волосы были зачесаны на один бок, глаза скрывались за круглыми линзами очков. Мистер Хартли оказался не слишком разговорчив, что в сложившихся обстоятельствах было вполне простительно. Я несколько раз извинился за опоздание, но это не заставило его смягчиться. Мистер Хартли продолжал хранить молчание. По пути в больницу мы проехали всего одну деревню под названием Уэстлтон. К счастью, туман наконец начал развеиваться, и мистер Хартли поехал быстрее. Мы проделали еще около мили, дорога пошла ухабистая, и пришлось упереться рукой в приборную доску, чтобы не вылететь из машины. Через некоторое время мы проехали между двух четырехугольных колонн, и я заметил впереди россыпь тусклых огоньков.

– Уилдерхоуп, – произнес мистер Хартли.

Мы подъехали ближе, и я увидел, что больница представляет собой не одно здание, а несколько – центральный блок с пристройками по бокам. Машина остановилась возле каменной террасы. Выйдя наружу, я отошел немного назад, чтобы как следует разглядеть свой новый дом. Было слишком темно, чтобы различить какие-то детали, но я все же увидел сводчатые

окна, декоративные бойницы и башню. Поблизости что-то шумело. Прислушавшись, я понял, что это море.

– Сюда, пожалуйста, – сказал мистер Хартли. Он стоял перед машиной с моим чемоданом.

Мы поднялись на веранду, и завхоз достал из кармана пальто связку ключей. Отпер дверь, и мы вошли в просторный, но тускло освещенный вестибюль. Стены были оклеены обоями в викторианском стиле – мрачные бордовые полосы оживлял несколько полинявший золотистый цветочный узор. У лестницы стояли доспехи, которые уже лет двести никто не полировал. Вслед за мистером Хартли я поднялся на первый марш, где мы прошли прямо под головой оленя с черными стеклянными глазами. Когда дошли до второго этажа, мистер Хартли отпер еще одну дверь, включил свет и провел меня в широкий коридор, по обеим сторонам которого виднелись ряды дверей. Он протянул мне ключ.

– Вот, других ключей вам не понадобится, сэр. В остальных комнатах на втором этаже никто не живет.

Мне показали спальню, кабинет, маленькую кухоньку и ванную. Мебель была простая и практичная, за исключением элегантного антикварного бюро, украшенного красивой резьбой. Я представил, как сижу за его столешницей и пишу монографию.

– Принести вам завтрак сюда, сэр? – спросил завхоз. – Или пожелаете присоединиться к медсестрам в столовой для персонала?

– Если вам не трудно, хотелось бы позавтракать здесь.

– Я скажу миссис Хартли. В семь утра нормально?

– Более чем.

– Чуть не забыл! Звонил доктор Мейтленд. Приедет завтра в пол-одиннадцатого. Так что раньше его не ждите. – Мистер Хартли убрал ключи обратно в карман. – Есть вопросы, сэр?

Я хотел попросить чашку чаю, но не осмелился.

– Спасибо большое. И за то, что забрали со станции, тоже. Очень любезно с вашей стороны.

Завхоза моя благодарность несколько не тронула. Он довольно резко произнес:

– Спокойной ночи, сэр.

Я запер дверь, ведущую на лестничную площадку, и начал распаковывать чемодан. Развесив рубашки в платяном шкафу, сложил другую одежду в ящики, а остальные вещи – по большей части книги и документы – отнес в кабинет.

Покончив с этим, я отправился в ванную, умылся и почистил зубы. Раковина была глубокая, поверхность ее покрывали тонкие трещинки. На обоих кранах были круглые эмалевые медальоны, черными буквами на них было написано «Гор.» и «Хол.». Подняв голову, присмотрелся к своему отражению. Пальцем оттянул веко и поглядел на бледно-розовую слизистую оболочку.

Вдруг раздался звук, напоминающий вздох. Прямо у меня за спиной.

Уставившись в зеркало, я убедился, что в ванной никого нет.

Маловероятно, чтобы кто-то скрывался в коридоре. Шагов я не слышал, только этот странный вздох. Тем не менее я решил проверить, даже заглянул в несколько смежных комнат, проверяя, нет ли там кого.

Из крана продолжала течь вода, и я уже собирался вернуться в ванную, чтобы выключить ее, но какое-то смутное предчувствие заставило меня замереть. То же самое испытывает человек, не решающийся пройти под стремянкой, потому что это дурная примета. Собственная впечатлительность рассердила меня, я решительно зашагал по линолеуму, взялся за вентиль и с силой повернул, выключая воду. Снова посмотрел на свое отражение, на этот раз с легкой опаской, и вынужден был заключить, что выгляжу неважно: цвет лица желтоватый, глаза красные. День был долгий, я определенно переутомился. Голова пульсировала от боли.

Я вернулся в спальню, надел пижаму и лег в кровать. Слушал тихую музыку набегающих на гальку волн, и мне казалось, будто Лондон далеко-далеко. Я снова подумал о маленьком происшествии в ванной. Если услышанное мною на самом деле было просто шумом в трубах или, скажем, результатом специфической акустики здания, удивительно, до какой же степени этот звук напоминал человеческий вздох. Это обстоятельство меня смущало.

Я повыше натянул одеяло в свежевystиранном, накрахмаленном пододеяльнике, и потянулся выключить лампу. Я очень утомился за день, но заснул далеко не сразу.

Глава 2

Никогда не забуду, как в первый раз вошел в комнату сна. Спустился по лестнице в подвал в сопровождении Мейтленда, безупречно одетого и подкреплявшего воодушевленную речь энергичными жестами. Он открыл дверь, и я шагнул за порог, преодолевая не только физический, но и психологический барьер. Медсестра сидела на своем месте, единственная настольная лампа создавала в темноте островок света. Раздавались знакомые звуки электроэнцефалографа, но главное, на что я обратил внимание, – шесть занятых кроватей. Шесть женщин в белых рубашках крепко спали, у одной из них от головы тянулись провода, будто головное украшение какого-то племени.

Наркоз, или лечение глубоким сном, как метод возник в двадцатых годах, хотя, если верить Мейтленду, продолжительный сон является одним из старейших способов лечения в области психиатрии. Тысячи лет люди используют алкоголь, чтобы «забыться», а в девятнадцатом веке некоторые передовые врачи пытались лечить душевнобольных при помощи опиума и хлороформа, но только с появлением барбитуратов наркоз шагнул на новый уровень. Мейтленд был пионером и продвигал новый метод лечения, сочетавший продолжительный сон с использованием современных лекарств и электрошоковой терапии.

В первое же утро Мейтленд разъяснил мне разработанный им лично режим.

– Наша цель – поддерживать наркоз на протяжении не менее чем двадцати одного часа в день. Каждые шесть часов пациентов будят, водят в туалет, моют, дают им лекарства, еду, витамины. Раз в неделю проводят электрошоковую терапию. Тщательно следят за давлением, температурой, пульсом, дыханием, а также потреблением жидкости, мочеиспусканием и функционированием кишечника. Существует риск паралитической непроходимости, поэтому необходимо регулярно использовать слабительное и измерять обхват живота. Если возникают какие-то проблемы, сразу делается клизма.

Мейтленд переходил от кровати к кровати, изучал карты, время от времени делал замечания.

– Всем пациентам каждые шесть часов дают дозу хлорпромазина, от ста до четырехсот миллиграммов. Когда все в порядке, можно ограничиться меньшей дозой, однако ее необходимо увеличить, если пациент взволнован или не спит. В самых сложных случаях дают амилбарбитурат. Так как это лекарство может вызвать привыкание, регулярно делается электроэнцефалограмма, чтобы проверить, кто из пациентов в группе риска. – Мейтленд указал на окутанную проводами женщину.

Я спросил Мейтленда, каковы диагнозы, и он ответил:

– Шизофрения и депрессивные симптомы при шизофрении.

Я захотел узнать подробности каждого конкретного случая, но Мейтленд просто пояснил: «Все они очень больны», давая понять, что крайняя серьезность патологии делает бессмысленным обсуждение конкретных историй болезни. «Главное для нас – вылечить их».

Оказалось, что одной из пациенток как раз должны были делать электрошоки.

– Почему бы не сейчас? – проговорил Мейтленд, ведя пальцем по строчкам в карте. – Я немного модифицировал стандартную процедуру. Думаю, вам будет интересно.

Пациентка была совсем юная – пожалуй, моложе двадцати. Светло-русые волосы коротко подстрижены, нос и щеки покрывали веснушки. Она была похожа на мальчика.

Мейтленд подкатил тележку к ее кровати. Шнур тянулся по плиткам пола, соединяя электрошоковую машину с розеткой в стене. Прибор оказался старый, я ожидал увидеть что-то посовременнее. Снаружи аппарат покрывало темное, красноватое дерево, а под крышкой пряталась контрольная панель из черного пластика. Белые надписи под каждой ручкой объясняли их назначение, вокруг двух я увидел цифры. Через полукруглое окошко можно было следить за

напряжением сети. Массивные электроды – бакелитовые ручки с округлыми металлическими краями – хранились в боковом отделении.

Я удивился, почему медсестра не зовет коллег. Мейтленд заметил мое недоумение и пояснил:

– Я изобрел очень удобную вещь, и теперь для процедуры требуется только одна медсестра.

Мейтленд показал мне подвешенный под кроватью рулон. Он положил руки пациентки ей на грудь, развернул холстяную простыню, накрыл ею девушку, а потом туго натянул и закрепил, фиксируя пациентку.

– Видите, эта штука заменяет четырех медсестер!

Я заглянул в карту и прочел, что пациентку зовут Кэти Уэбб. Медсестра вытирала ей лоб.

– Разумеется, – продолжил Мейтленд, – проведение электрошоковой терапии во сне имеет огромные преимущества. Пациент не испытывает тревоги, а значит, можно назначать более длительные и интенсивные курсы.

Мейтленд взял кусочки ваты и смочил их в соляном растворе. Затем ловко обернул в них электроды и протянул мне. Все это напоминало торжественную церемонию.

– Вы не могли бы?..

– Конечно.

Я взял электроды и приложил к вискам девушки. Мейтленд повернул ручку, включая напряжение, и стрелка в окошке проделала дугу от одного края шкалы до другого. Я заметил, что оба показателя – и «напряжение», и «время» – были поставлены на максимум. Когда я задал Мейтленду уточняющий вопрос, тот ответил, что в «самых тяжелых случаях» требуются «самые сильные стимулы». Пока мы разговаривали, медсестра вставила в рот девушки резиновый кляп. Это делалось, чтобы пациентка не прокусила себе язык.

– Готовы? – спросил Мейтленд свою помощницу. Медсестра взяла девушку за подбородок и кивнула. Затем Мейтленд перевел взгляд на меня:

– А вы?

– Да, – ответил я.

Мейтленд улыбнулся и взглядом указал на ручку, переключавшую два режима – «безопасный» и «лечение». Ручка переместилась легко и тихо щелкнула. Тут стрелка в окошке резко дернулась, а лицо пациентки исказила гримаса. Мейтленд выключил машину, а я убрал электроды обратно в боковое отделение.

Сбоку на шее девушки проступил сосуд, она издала произвольный звук, напоминающий фырканье. Я видел, как ее руки под холстом сжались в кулаки. Десять секунд спустя веки ее задержались, ноги, выглядывавшие из-под простыни, – тоже. Припадок длился не меньше минуты. Все это время мы хранили молчание. Когда подергивания прекратились, Мейтленд снял простыню и снова накрутил на подкроватный валик. Наконец проверил дыхание и пульс пациентки.

– Хорошо.

Медсестра вернулась на свое место, а мы с Мейтлендом направились к двери. Но у порога что-то невольно заставило меня остановиться, и я обернулся.

– И долго они находятся в наркозной комнате? – спросил я.

– Одни – несколько недель, другие – несколько месяцев.

– А сколько длится лечение?

– Не менее трех месяцев. Иногда – четыре.

Я в первый раз слышал о таком длительном наркозе. Должно быть, мое удивление было заметно. Мейтленд с размаху хлопнул меня по плечу и объявил:

– Новаторство! Вот чем мы занимаемся в Уилдерхоупе – идем по пути прогресса!

Последнее слово эхом отразилось от скрывавшихся в тени стен. Одна из пациенток вздохнула, и медсестра подняла голову.

– А теперь, – объявил Мейтленд, – пойдете наверх.

В подвале было два отделения: одно мужское, второе женское. Все пациенты размещались в отдельных палатах с большими окнами. К сожалению, металлические решетки на окнах создавали неприятное впечатление, мешая наслаждаться видом на вересковую пустошь и разбивая его на квадраты. В обоих отделениях было очень тихо, и, когда мы просматривали документы, причина сразу стала ясна. Мейтленд считал: когда лекарство не помогает, следует удвоить дозу, а если и в этом случае нет улучшений, дозу удваивали еще раз.

Я предполагал, что эти пациенты больны менее серьезно, чем те, кто помещен в комнату сна. Но оказалось, что их состояние немногим лучше. У всех хронические формы психоза и депрессии, почти у каждой попытка самоубийства или мысли об этом. Пока мы просматривали карты, Мейтленд говорил:

– Стоит представить, через что проходят эти несчастные, и о собственных мелких проблемах сразу забываешь. Их судьба ужасна. – Естественно, я согласился, и Мейтленд продолжил: – Встречали вы пациента, который бы так сильно страдал от болезни тела, что готов был свести счеты с жизнью, лишь бы избавиться от мучений?

Я ответил отрицательно.

– Можете себе представить, в каком состоянии эти пациенты? Вот почему наша работа здесь так важна.

Со временем я привыкну к его неожиданным пылким речам, но в первый день немного растерялся. Создавалось впечатление, будто Мейтленд носил маску, которая иногда спадала, обнажая лицо совсем другого человека – более чувствительного, исполненного сострадания. Здесь, в больнице, он был врачом, а не завсегдатаем радиопрограмм и не санитаром общества, обещавшим искоренить душевные болезни до конца столетия. В предстоящие годы частенько приходилось слышать, как циники называли пламенные речи Мейтленда тщательно просчитанной частью его образа, но это неправда. Мне кажется, они были совершенно искренни и обнажали ту грань его характера, которую Мейтленд обычно скрывал. Он был сложным человеком, гораздо более сложным, чем полагали авторы газетных статей.

Когда мы закончили обход, Мейтленд показал мне кухню и столовую. Я был представлен миссис Хартли, пухленькой хлопотливой женщине, мывшей котлы и сковородки вместе с молодой помощницей. Миссис Хартли вытерла руки о фартук, сжала мою руку шершавыми красными пальцами и спросила, какие блюда я предпочитаю. Моим ответом повара осталась довольна – одобрила и то, что я люблю, и чего не люблю, а потом с гордостью произнесла:

– Лучше свинины, чем в Саффолке, нигде не найдете, доктор. Высший сорт!

Когда мы уходили, Мейтленд попросил ее приготовить сэндвичи с солониной и заварить чай. Если миссис Хартли и не бухнулась в ноги хозяину, то, во всяком случае, не из-за недостатка уважения.

На первом этаже Мейтленд показал мне кабинеты, в которых принимали проходящих пациентов. Как и во время собеседования, он особо подчеркнул, что медицинские услуги местному населению больница предоставляет не на регулярной основе. Мейтленд хотел показать, что перетруждаться мне не придется.

Потом мы подошли к блестящей черной двери.

– Минутку, – произнес Мейтленд, останавливаясь и доставая из кармана ключ. – Вот мой кабинет.

Раздался щелчок в замке, и Мейтленд открыл дверь.

– Только после вас, – добавил он, пропуская меня вперед.

Я шагнул в комнату, сочетавшую атмосферу музея и роскошных королевских апартаментов. Декор был выполнен в викторианском стиле – мраморный камин, птичьи чучела под

стеклянными колпаками и огромный темно-красный честерфилдский диван. На стенах висели картины, стандартные лампы и часы, украшенные серебряными и золотыми орнаментами из листьев. Единственное, что выбивалось из обстановки, – унылый серый картотечный шкаф. На столе у Мейтленда стояли две фотографии. Одна представляла собой парадный портрет красивой женщины лет двадцати пяти – тридцати. Фотография была старая, сделанная еще до войны. На другой Мейтленд стоял перед статуей Свободы вместе с тремя мужчинами – судя по виду, тоже учеными. Я предположил, что это его американские коллеги.

Мы продолжили разговор, и десять минут спустя помощница миссис Хартли принесла сэндвичи и чай. Пока мы ели, Мейтленд протянул мне печатную рукопись. Это была еще не опубликованная статья о терапевтическом эффекте продолжительного сна.

– Буду очень признателен, если вы прочтете ее, – проговорил Мейтленд, продолжая жевать. – Если какие-то аргументы покажутся вам слабыми, пожалуйста, так и скажите. Спешки никакой, можете ознакомиться с текстом вдумчиво.

Я был польщен. Когда мы доели, Мейтленд заявил, что должен заняться административной работой, а в четыре тридцать вернется обратно в Лондон.

Перед отъездом Мейтленд разыскал меня, и я проводил его до машины, «бентли». Наши отражения искажались на лакированной поверхности корпуса. Мейтленд пожал мне руку и произнес:

– Рад, что вы к нам присоединились. Будут вопросы или проблемы – звоните, не стесняйтесь.

Мейтленд открыл дверцу, и я почуял легкий аромат мягкой кожи и сигар. Машина покатила по дорожке, подпрыгивая на ухабах. Я помахал вслед. Видимо, Мейтленд заметил мой жест в зеркале заднего вида, потому что посигналил в ответ. Вскоре машина спустилась по склону и исчезла из вида.

Я целый день не был на свежем воздухе и теперь задержался, чтобы осмотреть окрестности. Уилдерхоуп находился посреди однообразной вересковой пустоши, тянувшейся до горизонта. Смотреть было особо не на что, кроме вереска, кустов можжевельника и нескольких низких деревьев. Слева в низине находилось широкое болото, усеянное островками тростника, колеблющегося на ветру. Берега обрывом спускались к мрачному, беспокойному морю. Оно было не синим, а каким-то коричневым, будто лужа в канаве. Поблизости стояли несколько построек – конюшни, переделанные в общежитие для персонала, и одинокий коттедж с белеными стенами. На востоке из низкой черной тучи изливались тонкие струйки дождя. Может, я задержался бы дольше, но тут вспомнил, что я здесь единственный врач и напрямую отвечаю за благополучие двадцати четырех пациентов. Это внезапное осознание породило любопытную смесь тревоги и гордости. Сам Хью Мейтленд, известнейший психиатр своего поколения, посчитал, что я достоин доверия. Резко повернувшись на каблуках, я поспешил обратно.

* * *

Остаток дня я провел в палатах больных, знакомился с пациентами – по крайней мере, с теми из них, с кем можно было познакомиться. Большинство из них или спали, или никак не реагировали на мое появление. Одним из исключений оказался человек по имени Майкл Чепмен. Когда я вошел, он бродил из угла в угол, ероша волосы и что-то рассеянно бормоча. Если верить карте, пациент страдал от галлюцинаций и бреда преследования.

– Мистер Чепмен, – окликнул я. – Вас что-то беспокоит? Может, принести вам чего-нибудь успокоительного?

Чепмен подошел к одному из окон и отчаянно вцепился в прутья решетки. Устремив взгляд на вересковую пустошь, произнес:

– Доктор, я хочу домой, домой.

Голос был тонкий и жалкий.

– Извините, мистер Чепмен, но домой вам нельзя.

– Умоляю, доктор. Я очень хочу домой.

– Вы нездоровы, мистер Чепмен, и должны оставаться в больнице, пока вам не станет лучше. Сейчас принесу лекарство...

– Мне это место не нравится.

– Почему же?

Чепмен повернулся ко мне, и его нижняя губа задрожала. Он был похож на испуганного ребенка.

– Хочу домой, – повторил Чепмен.

Я подошел к нему и осторожно разжал пальцы, стискивавшие прутья. Затем медленно повел в сторону кровати. Чепмен не сопротивлялся и покорно последовал за мной.

– Пожалуйста, сядьте, мистер Чепмен. Сейчас я вам помогу.

Я позвал медсестру и попросил приготовить амитал натрия для укола.

– Скоро случится что-то плохое, – произнес Чепмен, заламывая руки.

– Что именно?

Чепмен помотал головой.

– Я чувствую.

– И что же вы чувствуете?

Бедняга лишь наморщил лоб и снова невнятно забормотал. Когда вернулась медсестра, мы вместе уложили мистера Чепмена в кровать, и я сделал укол.

– Вам этот препарат вводился уже много раз, – сказал я. – Может возникнуть легкое головокружение.

Чепмен тяжело вздохнул. Похоже, успокоительное начало действовать. Я ожидал, что пациент начнет дышать глубже, но, как ни странно, этого не произошло. Дыхание оставалось таким же частым и прерывистым. Я велел медсестре проследить за ним и позвать меня, если пациент опять начнет беспокоиться.

– Хорошо, доктор Ричардсон, – ответила медсестра. – Где мне вас найти?

– В комнате сна.

До этого я был занят и не обратил внимания на ее внешность. Медсестра была одета в форму нового образца – короткие рукава, пуговицы на груди, лямки фартука на плечах, шапочка-таблетка. Сборки на талии подчеркивали стройную фигуру. Девушка была довольно высокая, но запястья и щиколотки отличались тонкостью и изяществом. Черты лица нежные, глаза яркого оттенка зеленого.

– Спасибо, сестра...

Я смущенно умолк.

– Тёрнер, – подсказала она. – Джейн Тёрнер.

Выходя из палаты, я оглянулся. Медсестра по-прежнему стояла возле палаты мистера Чепмена, и, когда наши глаза встретились, она едва заметно улыбнулась.

Я шагнул в вестибюль и хотел было закрыть дверь, ведущую в отделение, но тут появилась девушка с кухни с горой подносов в руках. Кивнув мне, она спустилась по лестнице в подвал. Мне любопытно было посмотреть, что происходит, когда пациенток комнаты сна будят, поэтому я последовал за ней. Старшая медсестра, Дорис Дженкинс, руководила двумя подчиненными, включая совсем молоденькую практикантку. Сестра Дженкинс разговаривала со мной очень уважительно, и я дал ей понять, что пришел не распоряжаться, а просто наблюдать за обычным распорядком.

Разбудить пациенток оказалось непросто. На самом деле состояния полноценного бодрствования они так и не достигли. Глаза их были полузакрыты, казалось, они спали на ходу и даже во время еды. Челюсти двигались лениво и вяло, как у коров, жующих жвачку. Передви-

гались пациентки опираясь на руки сестер, иначе бы просто упали. Я пытался заговорить с Кэти Уэбб, девушкой, которой проводили электрошоковую терапию, но та лишь остановила на мне бессмысленный взгляд и ничего не ответила.

Сноровка медсестер произвела на меня большое впечатление. Вместе они работали четко, будто сложный механизм. Пациенток кормили, мыли, водили в туалет, укладывали обратно в кровать, давали лекарства. В длинных белых рубашках пациентки напоминали тихие, медленно скользящие привидения. Когда все снова заснуло, я обратил внимание на отвратительную вонь. Запахи клизмы и пищи смешивались в воздухе и надолго застаивались в помещении.

Со мной сестра Дженкинс была очень вежлива, но с подчиненными разговаривала резко. Я решил, что она строга и не допускает ни малейших нарушений дисциплины. Перед уходом сестра Дженкинс сказала практикантке:

– Вернусь в одиннадцать. Делайте все точно по инструкции. – Затем она ушла в сопровождении одной из медсестер.

Практикантка села за стол и достала из ящика «Британский национальный формуляр». Некоторое время пыталась читать, но потом отложила медицинский справочник в сторону и меланхолично уставилась прямо перед собой. На ее лице читалась глубокая скука.

Я ходил между кроватями, читал последние записи в картах, велел сделать электроэнцефалограмму пациентке по имени Сара Блейк – одной из трех, кому давали не только хлорпромазин, но и амилбарбитурат натрия. Это была женщина лет двадцати с небольшим. У нее было очень своеобразное лицо; обычно про таких говорят: «Ну вылитая ведьма»: длинные черные волосы, острый выпирающий подбородок, нос с горбинкой. Впрочем, при удачном свете она могла бы сойти за красавицу, хотя красота и была бы несколько зловещей. В последний раз электрошоковую терапию ей проводили почти неделю назад, из чего я заключил, что состояние ее не слишком тяжелое, насколько оно вообще может быть нетяжелым у этих пациенток. Энцефалограф чертил неровные линии, состоящие из пиков и провалов, – медленные волны сна.

Наступила тишина, и я вспомнил, как много лет назад читал о методе, применяемом древнегреческими целителями. В те давние времена жрецы советовали больным и недужным провести ночь в подземном святилище. Там страждущие должны были увидеть сон, который исцелит их. Видимо, комната сна – современный эквивалент.

Мне и раньше приходилось бывать в лабораториях сна в Кембридже и Эдинбурге, где я учился и работал, и везде была одинаковая, весьма специфическая атмосфера. Но в комнате сна в Уилдерхоупе все было по-другому. В воздухе будто ощущалось напряжение и какая-то торжественность, словно во время священнодействия. Похожие ощущения возникают, если зайти в темную пустую церковь. Создавалось впечатление, будто тишина и темнота этой комнаты скрывают нечто недоступное человеческому восприятию. Целебный ритуал древних греков назывался «инкубация». Очень подходящее слово, ведь оно состоит из двух частей, которые можно примерно перевести как «лежать внизу».

Прежде чем уйти, я снял электроды с головы Сары Блейк и изучил результаты электроэнцефалограммы. Красные чернила на белой бумаге казались яркими, будто кровь. Ничего особенного я не увидел – медленные волны, изредка перемежавшиеся короткими всплесками активности от лобной доли мозга. Я записал несколько комментариев и пожелал медсестре спокойной ночи.

– Уже уходите, доктор?

Мне ее реакция показалась странной.

– Да, – ответил я. – А что? У вас есть вопросы?

Покраснев, медсестра ответила:

– Нет. Все в порядке. Спокойной ночи, доктор Ричардсон.

Я поднялся наверх и решил сделать еще один обход в палатах. Майкл Чепмен до сих пор не спал, однако лежал в кровати, и единственным следом бывшего волнения оставался озабоченно наморщенный лоб. Пожалуй, я провел в мужском отделении больше времени, чем было необходимо, – заболтался с сестрой Тёрнер. Она работала в Уилдерхоупе со дня открытия. Я спросил, не скучает ли она по Лондону.

– Нет, – ответила мисс Тёрнер. – Я туда езжу примерно раз в месяц. Навещаю маму, общаюсь с друзьями. Летом здесь очень хорошо.

Я хотел узнать еще что-нибудь о ней, но боялся, что мисс Тёрнер сочтет подобные распросы проявлением непрофессионализма, и поспешил откланяться.

Поднимаясь по лестнице, я думал о событиях этого дня, но погрузился в размышления не настолько глубоко, чтобы не замечать ничего вокруг. Мне показалось, что кто-то идет следом, и я оглянулся, но с удивлением обнаружил, что ошибся. Сзади никого не было. Это маленькое происшествие меня смутило, но не до такой степени, чтобы заставить остановиться. Я поднялся на один марш и собирался было идти дальше, как вдруг снова услышал шум, на этот раз громче и явственнее. Будто что-то упало на ковер и отскочило от него – сначала один раз, потом второй.

Обернувшись, я заметил на полу ручку. Сначала решил, что уронил свою, но, наклонившись, чтобы поднять, увидел, что это дешевая шариковая ручка. Мой собственный серебряный «паркер» лежал в кармане. Я не припоминал, чтобы брал ручку из комнаты сна или одной из палат, но, очевидно, именно это я и сделал.

В кабинете я занялся разбором бумаг. Сложил черновики незаконченных статей в бюро и тут обнаружил в нижнем ящике воздухонепроницаемую упаковку. Внутри лежали три белые таблетки. Я прочел надпись на упаковке: «Резерпин. Хранить в защищенном от света месте». Сам я это лекарство не использовал, но, кажется, кое-что о нем слышал. Я достал одну из таблеток. Со стороны моего предшественника Палмера было легкомысленно оставлять собственное лекарство здесь, где его могут найти. К тому же резерпин – психотропный препарат. Я снова вспомнил, как Мейтленд упомянул о неожиданном увольнении Палмера. Мне показалось, будто раздался какой-то отдаленный звук, напоминающий тихое эхо, и я убрал таблетку обратно. Должно быть, в комнате было пыльно, потому что у меня заложило нос, и я с трудом дышал. Я открыл окно и поглядел на море. В вечернем свете необычный оттенок коричневого стал еще насыщеннее. Я закрыл окно, задернул занавески и приготовился ко сну.

«От доктора Ангуса Макрайтера

Больница Мейда-Вейл

Лондон W9

26 февраля 1955 года

Здравствуй, Хью!

Хочу направить к тебе свою пациентку, мисс Кэти Уэбб (дата рождения – 03.01.1937, адрес – Уолсингем-Хаус, 26, Лиссон-Гроув NW1). Буду очень благодарен, если согласишься принять мисс Уэбб. Девушка страдает шизофренией и дисфорией. Родилась она в Западном Лондоне, младшая из четверых детей. Старший брат, Чарльз, также страдает от психического заболевания. Отец торгует на рынке, мать, уроженка Дублина, – домохозяйка. Мисс Уэбб училась в римско-католической школе, но в возрасте девяти лет была исключена за постоянные прогулы. Монахини – убежденные сторонницы телесных наказаний, и девочку, видимо, часто били. В подростковом возрасте мисс Уэбб начала регулярно убегать из дома. Примерно в это же время она стала слышать голоса, большинство из которых ругали ее и обвиняли в совершении грехов. Мать решила, что дочь одержима дьяволом, и отвела девочку к священнику, который, к счастью, сразу

понял, что несчастная нездорова, и направил ее в больницу Святой Марии к психиатру. За последующие несколько месяцев состояние больной резко ухудшилось, и мисс Уэбб была переведена в больницу Фриэрн, где провела более года на стационарном лечении, причем методы применялись довольно консервативные – сочетание успокоительных средств и трудотерапии. Но через три месяца после выписки мисс Уэбб снова начала слышать голоса. Она продолжала убегать из дома, ее даже начала узнавать полиция – девушку неоднократно задерживали в районе Ноттинг-Хилл. С растерянным видом, неопрятная, она бродила по улицам в ранние утренние часы. Видимо, кто-то воспользовался ее беспомощностью – в июне прошлого года выяснилось, что девушка находится на третьем месяце беременности. Сама мисс Уэбб утверждала, что не было ни добровольного вступления в интимную близость, ни сексуального насилия, и объяснила беременность непорочным зачатием. Было решено, что ради ее же блага лучше сделать аборт. Операцию в должный срок провел мистер Герберт из Вестминстерской клиники. К тому времени мистер и миссис Уэбб окончательно отчаялись, к тому же у старшего сына тоже наступило обострение. Осенью мисс Уэбб была переведена в благотворительную католическую больницу Уолсингем. Состояние больной снова ухудшилось, и доктор Симмонс из больницы Святой Марии – кажется, ты с ним знаком – направил ее ко мне. Мисс Уэбб слышала голоса почти каждый день, некоторые призывали ее наложить на себя руки, но мисс Уэбб была убеждена, что эти голоса принадлежат «дьяволам», желающим заманить ее на «путь греха». Я немедленно назначил ей новые лекарства и провел курс электрошоковой терапии, но мисс Уэбб по-прежнему в тяжелом состоянии, и мысли о самоубийстве не оставляют ее. Также пациентка начала спрашивать о своем ребенке, которого, как ей кажется, у нее украли. К сожалению, больница Мейда-Вейл не располагает достаточными возможностями, чтобы оказать больной необходимую помощь. Когда мы с тобой виделись в последний раз, ты упоминал о новом лечебном центре, где важную роль играет терапия глубокого сна. Надеюсь, ты не откажешься предоставить место для мисс Уэбб? Пожалуйста, осмотри ее и удостоверься, что к ней можно применить данный метод лечения. Если согласишься, мой секретарь вышлет вам всю документацию. Прости за краткость, просто на этой неделе был очень занят – приезжали какие-то люди из Медицинского совета, пришлось водить их по больнице, и теперь приходится срочно разбираться с документацией. Сам знаешь, какая головная боль эти инспекции.

Заранее спасибо, искренне твой *Ангус*.

*Доктор Ангус Макрайтер,
бакалавр медицины, бакалавр хирургии,
доктор психиатрической медицины».*

Глава 3

В последующие две недели обошлось без происшествий, один день был похож на другой – я осматривал пациентов, проводил анализы, делал электроэнцефалограммы и следил, чтобы запас лекарств не иссякал. Из-за привычки Мейтленда прописывать большие дозы успокоительного пациенты по большей части особого внимания не требовали, и мне часто бывало нечем заняться. В таких случаях я испытывал соблазн подняться в свою комнату и закончить статью об эдинбургских экспериментах, но всякий раз передумывал. Нельзя, чтобы персонал видел, как я отлучаюсь в течение рабочего дня, особенно сестра Дженкинс. Если она заподозрит меня в халатном отношении к обязанностям, немедленно доложит Мейтленду. Впрочем, заняться тут было особо нечем. Из-за сильных дождей прогулки исключались – одного взгляда из окна на бушующую стихию хватало, чтобы отбить желание бросить ей вызов.

Почти все время я проводил в палатах, знакомясь с пациентами. Большинство общительностью не отличались, но иногда двое или трое выходили и начинали бродить по коридору в халатах нараспашку, с волочащимися по полу поясами. Потом садились, играли в домино и пытались вести беседу, но повторяли отдельные фразы и замечания по нескольку раз. Иногда просто смотрели себе под ноги.

На вторую неделю – кажется, в среду – в мужском отделении случилось довольно необычное происшествие. Вместе с сестрой Дженкинс я осматривал пациента по имени Алан Фостер. Больной страдал от бреда воздействия – он был уверен, что им командует цивилизация рептилий, живущая на кольцах Сатурна. К сожалению, у мистера Фостера образовались пролежни, требовался кожный антисептик. Я положил мазь и марлю обратно на тележку, а сестра Дженкинс стояла у раковины и мыла руки. Потом выключила краны и пересекла комнату. Затем, судя по звукам, начала рыться в каких-то вещах и сердито прищелкнула языком. Я обернулся и увидел сестру Дженкинс на коленях. Она заглядывала под кровать. Вдруг с удивительной ловкостью вскочила на ноги, уперла руки в бока и потребовала:

– Признавайтесь, куда спрятали, мистер Фостер!

– Вы о чем? – спросил пациент.

– Сами знаете, мистер Фостер.

Я кашлянул, давая понять, что тоже не понимаю, о чем речь.

– Кольцо пропало, – объяснила сестра Дженкинс. – Перед тем как мыть руки, я сняла кольцо и положила на тумбочку возле кровати. Возвращаюсь – нет кольца!

– Мистер Фостер, – строго произнес я. – Будьте добры, верните сестре Дженкинс кольцо.

– Я не брал! – ответил тот, показывая пустые руки.

– Кольцо лежало здесь! – Сестра Дженкинс ткнула пальцем в тумбочку. – Вот на этом самом месте.

– Ну не упрячьтесь, мистер Фостер, – произнес я. – Просто скажите, где оно.

Пациент продолжал упорно настаивать на своей невинности. Я отошел в сторонку и поманил к себе сестру Дженкинс. Когда она подошла, шепотом спросил:

– А вы точно его на тумбочке оставили?

Сестра Дженкинс с обиженным видом ответила:

– Да, мистер Ричардсон. Именно на тумбочке! Мистер Фостер часто что-то делает, а потом говорит, что это не он, а... – сестра Дженкинс устало закатила глаза, – *они*.

– Ах да, – вздохнул я, вспомнив о расстройстве мистера Фостера.

Напустив на себя суровый вид, я обратился к пациенту:

– Мистер Фостер, если немедленно не вернете кольцо сестре Дженкинс, придется вас обыскать.

Пришлось привести угрозу в исполнение. Мы раздели мистера Фостера, посмотрели под одеялом, простыней, матрасом... Но кольца не нашли. Наконец я заглянул ему в рот. И снова неудача.

– Он его, наверное, проглотил! – воскликнула сестра Дженкинс.

– Да, – сочувственно кивнул я. – Скорее всего, вы правы. Кольцо очень ценное?

– Обручальное.

Я обратился к мистеру Фостеру:

– Боюсь, в ближайшие два-три дня придется запретить вам ходить в туалет. Будете пользоваться горшком.

– Это еще почему? – возмутился мистер Фостер.

– Потому что иначе мы так и не сможем вернуть сестре Дженкинс кольцо.

– Да не глотал я его! – закричал мистер Фостер. Но уверенность на его лице тут же сменилась сомнением. – Хотя... – Глаза блеснули, точно его осенило. – Если они меня заставили...

Похоже, сестра Дженкинс едва сдерживалась. Сделала глубокий вдох, от которого заколыхалась необъятная грудь. У нее будто на лбу было написано: «Ну вот, что я говорила!»

– Пожалуй, нужно увеличить дозу лекарств, – сухо произнес я.

– Доктор Мейтленд точно одобрит, – согласилась сестра Дженкинс, глядя на Фостера так, словно хотела его придушить.

В полдень в столовой подавали обед, там я и познакомился со всеми медсестрами. Джейн Тёрнер обычно сидела с Лиллиан Грей, они вместе проходили практику в больнице Святого Томаса. Мисс Тёрнер и мисс Грей были давние подруги, и частенько слова им были не нужны, хватало обмена многозначительными взглядами. Возможно, кого-то такая привычка и раздражала бы, но подруги проделывали это с таким озорным, ребячливым видом, что мне даже нравилось наблюдать за ними.

Разговоры наши были самые обыкновенные. Обсуждали новые фильмы – «Три убийства», «Доктор в море», «Ребенок за два фартинга», – популярные юмористические программы на радио, места, где можно повеселиться и потанцевать. К моему удивлению, Джейн и Лиллиан бывали почти во всех джаз-клубах Сохо. В отличие от моего предшественника жизнь в Уилдерхоупе девушек явно не тяготила, и я походя упомянул о том, что рассказывал о Палмере Мейтленд. Лиллиан пожала плечами и ответила:

– Он был слишком серьезный. Ну, представляете, наверняка таких встречали. Ходил в поношенном костюме, трубку изо рта не выпускал. – Лиллиан поднесла руку ко рту и сделала вид, будто курит, – сделала потешное, сосредоточенное лицо и начала пыхтеть. Пародия была злая, но забавная. Мы с Джейн рассмеялись. – И вечно сидел у себя. Даже в хорошую погоду за порог не выходил и на выходные никуда не ездил. – Лиллиан снова пожала плечами. – А мы летом отлично время проводили...

– Что делали? – спросил я.

– На велосипедах катались, – ответила Джейн. – Тут есть три велосипеда. Захотите взять, попросите у завхоза, мистера Хартли. Познакомились уже с ним? Добрый старичок, всегда все разрешает. В этих местах кататься хорошо, земля очень ровная.

Лиллиан нанизала на вилку несколько горошин.

– До самого Саусуолда доезжали.

– В Саусуолд?

– Это такой маленький курорт на берегу моря, – пояснила Джейн. – Там отличный пляж. Купаться, правда, редко получается: все-таки север, вода холодная, но немного поплескаться можно. Там есть променады, магазины и волнорез. Раньше по нему можно было гулять, а теперь весь разрушился.

– И пабы там очень уютные, – прибавила Лиллиан.

– Далеко отсюда этот курортный рай? – спросил я.

– Не очень, – ответила Джейн. – Но все-таки на автобусе добираться удобнее.

Тут в столовую вошла сестра Дженкинс и принялась обводить столы суровым взглядом. Джейн взглянула на часы и ойкнула:

– Пора!

Подруги вскочили и поспешили к двери. Они шагали в ногу, бедра синхронно покачивались, а вид соблазнительных выпуклостей заставил меня надолго застыть, глядя девушкам вслед. Я в смущении оглянулся, надеясь, что никто не видел моей слабости. К счастью, сестра Дженкинс была занята своими проблемами.

* * *

Мейтленд оказался верен своему слову – приезжал в Уилдерхоуп не реже раза в неделю, иногда звонил. Не было ощущения, что он меня проверяет, наоборот, судя по всему, Мейтленд хотел убедиться, что я хорошо устроился и всем доволен. Утром, во вторую пятницу после приезда, я обнаружил на полу записку. Ее просунули под дверь. «Я в кабинете. Приходите, как только сможете. Хью». Должно быть, он выехал из Лондона почти ночью. Я вошел в одну из пустых комнат и выглянул в окно. «Бентли» был припаркован снаружи, машину обволакивал густой туман. В этой глуши такой роскошный автомобиль смотрелся немного неуместно.

Завтракать я не стал, сразу отправился к Мейтленду. Похоже, он был рад меня видеть. Мы сидели бок о бок на честерфилдском диване, говорили о медицине, как равные, будто проработали вместе много лет. Мейтленд налил мне чаю и спросил, прочел ли я его рукопись. Да, я прочел, причем очень внимательно.

Конкретные механизмы, обуславливающие положительное воздействие наркоза, пока непонятны, но в своей работе Мейтленд рассказывал, что продолжительный сон может привести к созданию новой, здоровой личности, пусть не сразу, но в будущем. Он утверждал – это то же самое, что ломать кости, чтобы потом они правильно срослись. Смысл электрошоковой терапии как дополнительного компонента лечения состоял в том, чтобы ускорить выздоровление путем избавления от навязчивых мыслей.

Мейтленд положил руки на спинку дивана. Из-за этого создавалось впечатление, будто он занимает больше места, чем на самом деле.

– Некоторые считают, что электрошоковую терапию нужно запретить, потому что она может вызвать провалы в памяти и оказывает разрушительное воздействие на мозг. Но что, если эти утерянные воспоминания только обостряли состояние пациента? Разве не к лучшему будет избавиться от них? Начать новую жизнь, забыть о болезни, как о страшном сне...

Я высказал некоторые возражения, но Мейтленд нисколько не обиделся. На каждый аргумент он предлагал собственные контраргументы, но, к счастью, атмосфера продолжала оставаться дружеской. Наконец мы обсудили все, что требовалось, и Мейтленд сказал:

– Благодарю за отзыв.

Мне показалось, что он говорит искренне.

Остальную часть утра мы провели в палатах, а после обеда спустились в комнату сна. Теперь я запомнил имена всех шести пациенток – Сара Блейк, Элизабет Мейсон, Мариан Пауэлл, Кэти Уэбб, Изабель Стивенс и Селия Джонс. Кроме имен, дат рождения и диагнозов, я ничего о них не знал. Давление, пульс, дозы лекарств – все было записано самым скрупулезным образом, но только не биографии. Я хотел больше узнать об этих женщинах – кто они такие, что за люди. Но когда попытался расспросить Мейтленда, он снова ушел от ответа. В голосе слышалось раздражение, и я счел за лучшее оставить эту тему. Мейтленд уверял, что биографии не имеют никакого значения. Главное – методы терапии.

В послевоенные годы таких людей, как Мейтленд, было много – все стремились отойти от прошлого, как исторического, так и личного. Никому не хотелось копаться в бессознательном, разбирать старые страхи. Этого им хватило, теперь они жаждали начать с чистого листа.

Одна из пациенток, Элизабет Мейсон, говорила во сне, и ночная сестра записала ее слова: «Ни за что не сниму. Нет. Он сейчас придет». На первый взгляд – полная бессмыслица, но вдруг эти разрозненные фразы стали бы понятнее, если бы я что-то знал о пациентке? Мейтленд назначил ей четыреста миллиграммов амилбарбитурата натрия, затем указал на лицо Элизабет Мейсон.

– Видите? – сказал он. – Трещинки на коже, расходятся от уголков рта. Ангулярный стоматит. Распространенное осложнение при наркозе, но дело можно легко поправить при помощи курса витамина Б.

Перед уходом Мейтленд остановился в дверях и удовлетворенно вздохнул, как гурман после сытного обеда. Повернулся ко мне и спросил:

– Закурить не желаете?

– Почему бы и нет?

– Пойдемте на воздух.

Запах комнаты сна был очень навязчив – он будто прилипал к одежде и оставался в носу, поэтому перспектива прогуляться могла только радовать.

Стоя рядом с «бентли», мы курили и любовались суровой красотой пейзажа. Вдалеке около засохшего папоротника показалась лань. Она замерла, опасаясь, что мы можем представлять угрозу, а затем метнулась вниз по склону, ведущему к болотам.

– Хотел спросить, – начал Мейтленд. – Вы не могли бы осмотреть одну потенциальную пациентку?

– Конечно.

– Нет, пока не нужно. Я скажу когда. Только придется пожертвовать выходными. Тут неподалеку, в деревне, живет одна женщина, – Мейтленд указал в сторону Данвича, – Хильда Райт, страдает от кататонической шизофрении. Уже несколько лет лежит в постели, за это время ни слова не сказала. До июля содержалась в частной больнице, но родные больше не могут себе позволить платить за нее. Сейчас за ней присматривает сестра, иногда приходит сиделка. – Мейтленд выдул в воздух облачко дыма и задумчиво проговорил: – Многие возмущались, когда узнали, что в Уилдерхоупе будут лечить душевнобольных. Если примем местную жительницу, это пойдет на пользу нашей репутации.

Я вспомнил, как мой попутчик в поезде говорил, что люди не хотят жить рядом с «дурдомом».

– Думаю, мы сможем ее принять.

Мейтленд бросил окурок на землю и раздавил каблуком.

– Знал, что вы меня поймете. Обострять отношения с местными ни к чему.

* * *

В мужском отделении все пациенты вели себя мирно, кроме Майкла Чепмена, которого снова охватило беспокойство. У всех пациентов психиатрической больницы грустные истории, но история Чепмена особенно огорчала. Он был из простой семьи, но обладал ярко выраженными способностями к математике. Получил стипендию и поступил в Кембридж, но во время подготовки к выпускным экзаменам у студента произошел первый «нервный срыв». Им овладели мрачные мысли, Чепмен подозревал, что один из преподавателей, известный логик, ворует его идеи. Местный врач поставил диагноз мономания, и Чепмена отослали домой, где он проходил лечение амбулаторно. Выздоровление шло медленно, к тому же начались трудности с концентрацией. В Кембридж вернуться Чепмен не мог и устроился клерком в бухгалте-

рию. Через год он снова начал вести себя странно, в результате чего был уволен. Обнаружили блокнот, в который Чепмен записывал все действия и передвижения коллег – в подробностях. После этого бедняга ни на одной работе больше пары недель не держался, ему казалось, что коллеги плетут против него заговор. С тех пор вся жизнь Чепмена проходила в больницах.

Такое многообещающее начало – и вдруг болезнь. Его история пробуждала во мне особое сочувствие. До чего же мне повезло родиться с правильным химическим балансом в мозгу, иначе моя собственная карьера кембриджского студента закончилась бы точно так же. Такие люди, как Чепмен, лишний раз доказывают, как слепа и равнодушна судьба. Биологическая ошибка может перечеркнуть и блестящие задатки, и тяжкие труды.

Я мог бы дать Чепмену еще амитала натрия, но он в последнее время и так принял уже много, поэтому на этот раз я решил воздержаться. Вместо этого постарался успокоить пациента, говоря с ним спокойно и весело, – многие врачи время от времени прибегают к этому средству.

Чепмен тяжело дышал, на лбу выступил пот.

– Меня накажут? – спросил он.

– Нет, – ответил я. – С чего вы взяли?

Чепмен проигнорировал вопрос и стал заламывать руки, повторяя, все тише, одну и ту же фразу:

– Что я натворил? Что я натворил?

– Ничего не натворили, наказывать вас не за что, – с наигранной бодростью ответил я.

Чепмен начал грызть ногти.

– Что вас тревожит?

Чепмен развернулся на каблуках, в два шага добежал до окна и прижался лбом к металлическим прутьям.

– Мне здесь не нравится.

– Может, сыграем в шахматы? Вы ведь умеете играть в шахматы, мистер Чепмен?

Он порывисто вздохнул, будто шарик, из которого выпустили воздух.

– Раньше умел.

– Тогда пойдемте в комнату отдыха.

– Ну, не знаю...

– Давайте начнем, а если дело не пойдет, сразу закончим.

Чепмен с подозрительным видом оглянулся по сторонам.

– С чего это вдруг вы меня в шахматы играть зовете?

– Просто подумал, вдруг это вас успокоит.

Чепмен пристально вглядывался в мое лицо и наконец спросил:

– Что вы думаете о Ботвиннике?

– О ком?

– О Михаиле Ботвиннике.

– Извините, мистер Чепмен, в первый раз слышу это имя.

– Он чемпион мира.

Чепмен прищурился, будто ожидая ответа. Я молчал. Тогда он снова подошел к окну, но на этот раз спиной ко мне старался не поворачиваться, из-за чего едва не споткнулся. Потом сказал:

– Особенность игры Ботвинника – в стратегической сложности. Некоторые считают его репертуар ограниченным, особенно на первых ходах, но финалы всегда выдающиеся. К тому же дебют ферзевой пешки – его конек, а во французской защите никто с Ботвинником не сравнится.

– Мистер Чепмен, – успокаивающе произнес я. – Боюсь, вы переоцениваете мои познания в игре. Я играю редко, для удовольствия...

- Это вы мне так говорите.
 - В каком смысле? – Чепмен упрямо поджал губы.
 - Мистер Чепмен?
 - Он вас послал, да?
 - Кто?
 - Ботвинник, кто же еще?
 - Если вы думаете, что я знаком с чемпионом мира по шахматам, то очень ошибаетесь.
 - Передайте, что мне все известно про его замыслы.
 - Ничего я ему передать не могу, потому что, повторяю, мы с Ботвинником незнакомы. Злость Чепмена сменилась растерянностью.
 - Незнакомы?
 - Нет.
 - Вы уверены?
 - Абсолютно.
 - И он не просил... – Чепмен рассеянно умолк. Почесал голову и озадаченно заморгал.
 - О чем? – уточнил я.
- Чепмен покачал головой.
- Не важно, – пробормотал он. – Так, недоразумение.
- Я решил напомнить о своем предложении:
- Ну так что, будете играть?
 - Хорошо. Только во время игры никаких записей не делайте.
 - Обещаю, мистер Чепмен.

Вместе мы прошли в комнату отдыха. Кроме нас, там никого не было. Под потолком виднелась деревянная обшивка, узорчатые обои снизу были темно-коричневыми, сверху – бутылочно-зелеными. Получилось мрачновато. Посреди круглого стола стояла ваза с засохшими цветами, об одно из стекол билась осенняя муха. Я выдвинул Чепмену стул, и он сел, однако продолжал нервничать.

Шахматы держали в шкафу, там же лежали и другие игры – «Монополия», «Змеи и лестницы». Оглядев полки, нашел деревянную коробку с фигурками и потертую старую доску, затем отнес ее к столику. Подбросили монетку, ходить первым выпало мне. Я двинул вперед одну из пешек, Чепмен глубоко задумался – тер щетину на подбородке, издавал глухое сосредоточенное мычание и только через несколько минут ответил точно таким же ходом.

Учитывая, с каким знанием дела он высказывался о Ботвиннике, я думал, что Чепмен – хороший игрок. Но на самом деле играл он крайне слабо. Печально было видеть, как человека такого ума и талантов ставят в тупик мои простенькие ходы. Я нарочно поддался, пожертвовав Чепмену слона, потом коня, и едва сдержал улыбку, когда он поглядел на меня свысока, воображая, будто ловко обхитрил.

От скуки я стал глазеть по сторонам. Камин представлял собой внушительное зрелище – каменная конструкция, покрытая резными завитками и цветами. У стены стояла тиковая радиолка, а рядом лежала стопка пластинок, к которым явно редко притрагивались. На ковре чернели прожженные окурками дыры.

Я снова взглянул на доску. За это время Чепмен поставил одного из своих коней за другим, в результате чего открыл мне свободный доступ к ладье, но мне духу не хватило воспользоваться его ошибкой. Вместо этого я пошел королевой по диагонали – просто так, безо всякой цели.

- Доктор Ричардсон? – Чепмен уставился на меня круглыми глазами.
- Да?
- Зачем вы по ночам двигаете мою кровать?
- Я не двигаю.

– Значит, медсестры. Зачем они это делают?

– Ничего они не делают, мистер Чепмен.

– Я им говорю, чтобы прекратили, а они не слушают.

– Вам, наверное, приснилось, мистер Чепмен. Медсестры не стали бы двигать кровать, пока вы в ней спите.

– Я от этого просыпаюсь.

Я указал на доску:

– Ваш ход, мистер Чепмен.

Он изучал фигуры минуты две, не меньше, и наконец переставил ладью на безопасную позицию. На губах проступила дрожащая улыбка, но уже через секунду ее сменило привычное выражение беспокойства и подозрительности.

Глава 4

В субботу утром меня сменил Стюарт Осборн, врач из Саксмандема. В прошлые выходные дежурил его коллега, Кеннет Прайс.

Осборн был на несколько лет старше меня и выглядел настоящим франтом. Вылитый Ретт Батлер из «Унесенных ветром» в исполнении Кларка Гейбла – те же волнистые черные волосы и тонкие усики. Но впечатление портил вялый, выдающий слабый характер рот. Мы пожали друг другу руки, обменялись любезностями. Оказалось, он тоже работал в больнице Ройал-Фри, но, видимо, до меня. Осборн поздравил меня с назначением, мы обсудили трудных пациентов. Чем дальше, тем больше меня раздражала его манера говорить. Казалось, он едва сдерживал ухмылку. В голосе постоянно звучала насмешка. Видимо, Осборн один из тех хамов, которым сходят с рук самые беспардонные замечания, – они попросту все обращают в шутку. В женском отделении Осборн позволил себе критиковать меня в присутствии медсестры, но не успел я дать достойный ответ, как он засмеялся и прибавил:

– Извините, старина, просто неудачно пошутил. Не обижайтесь.

Можно было только порадоваться, что он у нас не работает.

Погода оставляла желать лучшего, но я все равно решил прогуляться. За больницей я обнаружил дорожку, ведущую к морю. Тропинка была такая крутая, что я несколько раз чуть не упал. Море, как всегда, было бурным, волны с грохотом накатывали на усыпанный галькой берег. Я поднял камешек и бросил в воду. И снова меня удивил необычный цвет – мрачный, коричневатый... Несмотря на брызги и пену, запаха соли совсем не чувствовалось. А жаль, целебный морской воздух хорошо способствует выздоровлению. Я поднялся на высокий склон, отделявший берег от болота, и побрел на юг. Равнина тянулась насколько хватало глаз. В небе неслись тяжелые тучи, сквозь которые изредка проглядывали лучики солнца. Но, к сожалению, просветы быстро исчезали, и снова все окутывала серая дымка.

Я задумался, что выбрать – пойти дальше по берегу, к Альдебургу, или свернуть направо, к болоту. И выбрал второй вариант.

Место было унылое, кругом ни одного деревца. Прошел мимо прибрежного шлюза со ржавыми металлическими колесами и длинными, прямыми дренажными трубами. Перевернутая старая шлюпка почти полностью сгнила. Вдалеке заметил двух тощих пони и маленькое стадо коров. Где-то раздавалась печальная птичья трель. Я продолжил путь и набрел на деревянные мостки. Доски были мокрые и скрипели при каждом шаге. Но хлипкость конструкции меня не смутила, и по ним я дошагал до болотистых низин. По краям бродили птицы с длинными клювами. Разглядеть крышу, трубы и башни Уилдерхоупа отсюда можно было только смутно. Я забрел дальше, чем собирался. Почувствовав, что замерз, решил вернуться.

Остаток выходных провел у себя. Помощница миссис Хартли носила мне еду. Я прекрасно отдохнул – читал, писал, слушал радио. Прошедшие две недели были очень трудные, намного труднее, чем я ожидал. Только полностью расслабившись, я понял, как был напряжен и взвинчен. В последнее время часто болела голова.

В воскресенье вечером я снова приступил к своим обязанностям. Осборн сообщил, что за выходные «обошлось без происшествий». Мы разговаривали около двадцати минут, и за это время мое первое впечатление о нем к лучшему не изменилось. Этот человек просто выводил меня из себя. Во время нашего разговора мимо прошла Джейн Тёрнер, и Осборн подтолкнул меня локтем:

– Работать с сестрой Тёрнер всегда приятно.

Он явно ждал ответа, какой-нибудь вульгарной ремарки про хорошенькое личико или аппетитную фигурку, но я промолчал. Уходя, Осборн вдруг обернулся:

– Ричардсон, вы в гольф играете?

– Нет.

– Жаль. – Он взмахнул невидимой клюшкой. – А то помог бы записаться в наш клуб. Я как раз отвечаю за набор новых членов. Смотрите, совсем одичаете, как Палмер. Сделал дело – гуляй смело!

Не успел я придумать язвительный ответ, как Осборн снова засмеялся:

– Ладно, увидимся!

Сказать, что я был рад его уходу, значит не сказать ничего.

* * *

Джейн Тёрнер была в мужском отделении. Я позволил себе сесть на ее стул и сделал вид, будто обнаружил что-то интересное в карточке Алана Фостера.

– Доктор Осборн уже ушел? – спросила Джейн.

– Да, – ответил я. – А что?

– Так, ничего...

Я внимательно посмотрел на нее.

– Он очень... – я умолк, подбирая слово, – непосредственный.

Последнее прилагательное я произнес с язвительным презрением, давая понять, на что намекаю.

Она оглянулась по сторонам, будто боясь, как бы кто не услышал.

– Лиллиан думает, что он элегантный.

– Элегантный! – Я повторил это слово намного громче, чем собирался.

Джейн присела на край стола и положила ногу на ногу.

– Понятно, почему она так считает. Он галстук носит и все в таком духе...

– А вы что думаете?

– О докторе Осборне? На мой вкус, слишком самовлюбленный.

– Согласен.

– И все-таки иногда с ним бывает весело. Не то что с другим врачом из Саксмандема.

– С Кеннетом Прайсом? Мне он понравился.

– Да, он человек неплохой, но... – Джейн нахмурилась.

– Скучный?

– Или просто очень застенчивый. – Джейн посмотрела, чью карточку я читаю. – Алан Фостер?

– Да. А почему ничего не написано про кольцо сестры Дженкинс?

– Потому что оно так и не вышло. Вчера сестра Дженкинс даже слабительное ему дала.

– Seriously?

– А толку никакого.

– Ничего, выйдет, куда ж оно денется?

Джейн рассмеялась – у нее был красивый, музыкальный смех – и отошла от стола. Я встал и предложил ей освободившийся стул.

– Как провели выходные? – спросила Джейн.

– Хорошо. Погулял по берегу, был около болот.

– Звучит не слишком захватывающе.

– Пожалуй.

Джейн заправила выбившуюся прядь светлых волос за безупречное ушко.

– Летом здесь намного лучше.

Она продолжала легко и непринужденно болтать, скоро невинный разговор перешел в легкий флирт. После девяти я наконец заставил себя соблюсти приличия и нехотя потащился прочь.

Прежде чем подняться к себе, решил проверить, все ли в порядке в комнате сна. Дежурила практикантка, Мэри Уильямс. Когда я вошел, она отчего-то застыла и уставилась на меня. Девушка выглядела обеспокоенной, даже напуганной, пока не разглядела, что это я. На ее лице отразилось облегчение, Мэри Уильямс широко улыбнулась. Должно быть, боялась, что пожаловала строгая сестра Дженкинс. Я подошел к ее столу, она уважительно поднялась со своего места и поправила нагрудник.

– Добрый вечер, Мэри.

– Добрый вечер, доктор Ричардсон.

– Давно дежурите?

– С обеда.

– Проблем никаких?

– Изабель Стивенс вела себя немного беспокойно, но сейчас затихла.

– Вы сделали запись в ее карте?

– Да. Конечно.

В голосе звучало возмущение. Практикантка тут же смущенно покраснела.

Я дотронулся до ее руки и сказал:

– Не переживайте, Мэри. Вы, наверное, устали. Одна из пациенток воскликнула:

– Не надо! Не надо! Очень прошу... нет...

Мы с Мэри переглянулись, но ничего не сказали.

Я, как обычно, прошел вдоль кроватей, заглянул в карточки, проверил, всем ли дали нужные дозы лекарств, отметил, что нужно провести электрошоковую терапию Селии Джонс, женщине средних лет с короткими кудрявыми волосами и круглым лицом. Глаза ее быстро вращались под закрытыми веками – пациентке явно снился сон. Я уже собирался уходить, когда на смену Мэри Уильямс пришла другая медсестра. Мы с практиканткой покинули комнату вместе.

Я хотел пропустить Мэри вперед, но она из вежливости отказалась. Мы прошли половину лестницы, когда раздался звук, похожий на вскрик. Я остановился и обернулся. Мэри смотрела вниз, держась рукой за грудь.

– Мэри! – окликнул я.

Посмотрел ей в лицо и заметил, что шапочка съехала набок.

– Извините, доктор Ричардсон.

Она обернулась в сторону комнаты сна и что-то пробормотала дрожащим голосом. Я ни слова не разобрал. Даже в тусклом свете было видно, что практикантка напугана.

– Мэри, – настаивал я, – что случилось?

Она несколько раз беззвучно открыла и закрыла рот, потом наконец выпалила:

– Ногу подвернула.

Наклонилась и принялась ощупывать щиколотку. Я предложил ей руку.

– Обопритесь на меня.

Ничего не ответив, она устроила целое представление – сделала вид, будто проверяет, может ли ступить на пострадавшую ногу.

– Нет, я могу идти. Все нормально. Да.

– Давайте я посмотрю.

– Нет. Ни к чему вам беспокоиться из-за пустяков. – Мэри попыталась улыбнуться. – Сделала из мухи слона...

– Ну, как хотите... – ответил я. – Уверены?

– Да, – подтвердила она. – Уверена.

Мы поднялись наверх, Мэри пожелала мне спокойной ночи, вышла и заперла за собой дверь. Хотя Мэри была местная, ей предоставили комнату в перестроенной конюшне, как и остальным медсестрам. Пальто она с собой не взяла – значит, скорее всего, собиралась ночевать

вать там. Я прислушался к ее удаляющимся шагам. Ничто в уверенной, четкой поступи не указывало на то, что девушка подвернула ногу. Вскоре шаги стихли, и повисла тишина, в которой ощущалось что-то многозначительное. Я прислушался, сам не зная, чего ожидаю услышать. И все же стоял и слушал.

Глава 5

На следующей неделе я часто виделся с Джейн Тёрнер, мои чувства к ней становились все сильнее. Я с нетерпением ждал каждой новой встречи. К счастью, похоже было, что мне отвечают взаимностью. В моем присутствии она всегда вела себя оживленно и подходила так близко, что я ощущал аромат ее духов. И все же я сомневался, разумно ли заводить отношения с коллегой. Если ничего не получится или – еще хуже – мы поссоримся, можно сильно осложнить друг другу жизнь.

Я сидел вместе с Джейн и Лиллиан в столовой. Оказалось, на выходные они планируют вылазку в Саусуолд.

– Прогноз погоды очень хороший, – сказала Джейн. – Надо пользоваться, пока совсем не похолодало.

Лиллиан оторвалась от пюре и спросила:

– А у вас какие планы на выходные?

– Да в общем-то никаких, – грустно признался я.

– Так поедем вместе.

Я засомневался было, прилично ли это, но одного взгляда на Джейн хватило, чтобы решиться. В ее взгляде читалось столько ожидания, что отказать было бы по меньшей мере малодушно.

– Н-ну... – замялся я, – если вы не против...

– Конечно, не против, – сказала Лиллиан. – Доедем на велосипедах до Уэстлтона и там сядем на автобус.

Целый день вместе с Джейн! На этой неделе сконцентрироваться на работе было труднее, чем обычно, а когда я пытался закончить статью о завершающей стадии эксперимента в Эдинбурге, никак не мог сосредоточиться. Вместо того чтобы работать, курил одну сигарету за другой и слонялся по коридору, пока не пришло время ложиться спать. Утром в субботу мы с Джейн и Лиллиан взяли у мистера Хартли три велосипеда и поехали через вересковую пустошь. Погода была облачнее, чем мы надеялись, но достаточно теплая для этого времени года. До Уэстлтона доехали быстро. Владелец паба, давний знакомый Джейн и Лиллиан, позволил оставить велосипеды у него в сарае. К счастью, автобус приехал вовремя, и, когда мы прибыли на место, облака рассеялись, и ярко сияло солнце.

Саусуолд оказался милым приморским городком и обладал особым провинциальным обаянием, пусть его и можно было назвать сонным. Зато не было всяких сомнительных заведений, которые в изобилии встречаются в курортных городах. Вдоль боковых улиц выстроились старомодные коттеджи, а вокруг широкой зеленой лужайки стояли более фешенебельные резиденции с балконами из кованого железа и высокими, элегантными окнами. Достопримечательностей было две – внушительная средневековая церковь с каменными стенами и действующий маяк. На плоском травянистом участке рядом с берегом размещались шесть восемнадцатифунтовых пушек, нацеленных в море. Место называлось вполне предсказуемо – Пушечный холм.

Мы пообедали в отеле и, откровенно говоря, слишком много выпили. В конце трапезы Лиллиан поднялась со стула и сказала, что хочет сделать кое-какие покупки.

– Через час встретимся у пирса, – весело прибавила она.

После ухода Лиллиан мы с Джейн вернулись к Пушечному холму и сели на скамейку. Она надела темные очки. В них Джейн выглядела очень стильно, по-европейски.

Я завел разговор о ней, хотел узнать больше, и Джейн сразу раскрылась. Мать у нее – учительница, живет на севере Лондона. Отец, фармацевт, умер, когда Джейн было всего тринадцать. Сообщила она об этом достаточно спокойно, без особых эмоций. Хотя отец умер моло-

дым, мать с дочерью без гроша не остались. О них позаботился богатый дядя. Джейн рассказывала о практике в больнице Святого Томаса, о том, как познакомилась с Лиллиан и как они здорово веселились на фестивале Британии, об отличном отдыхе в Уэльсе с двоюродными братом и сестрой, Невиллом и Ванессой, и своих планах поступить на курсы вождения. Джейн делилась со мной всеми этими историями легко и непринужденно.

Между тем я загляделся на окружающий пейзаж, надо заметить весьма странный. Разительный, неестественно яркий контраст между коричневым морем и голубым небом невольно притягивал взгляд. На ветру полоскался флаг, по небу безупречно ровным клином летела стая длинношеих птиц. Между тем что-то изменилось, но я не сразу сообразил, что именно. Джейн замолчала. Я повернулся к ней, и в этот самый момент она тоже повернулась ко мне. Помню свое крошечное отражение в стеклах очков, и вдруг оно начало увеличиваться, становилось все ближе и ближе, пока мы не слились в поцелуе.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, Джейн сняла очки. Ярко-зеленые глаза светились, будто прозрачные стекла витража.

При других обстоятельствах я бы, может, и решил вспомнить старомодные предрассудки и извинился за то, что воспользовался ее беспомощностью. Надо же дать леди возможность пойти на попятную. Но в этот раз было понятно, что оба мы хотим одного и того же. Отрицать это – наглая ложь. Мы снова начали целоваться и не отрывались друг от друга до тех пор, пока Джейн не взглянула на часы и не произнесла со вздохом:

– Лиллиан...

Мы шагали по променаду мимо выкрашенных в яркие цвета пляжных домиков и держались за руки. Только когда приблизились к низкому, полуразрушенному волнорезу, это зрелище заставило спуститься с облака, на котором мы вместе парили. Мимо прошла светловолосая девочка с глазированным яблоком в руке. На солнце оно будто светилось изнутри, как драгоценный камень. Вдалеке я разглядел два мощных танкера.

– А вот и Лиллиан, – произнесла Джейн.

Она стояла к нам спиной.

– Как ты думаешь...

Договаривать не понадобилось.

– Конечно, не надо, – ответила Джейн, выпуская мою руку.

* * *

В понедельник вечером позвонил Мейтленд.

– Джеймс? Это Хью. – Не помню, в какой именно момент это произошло, но мы начали звать друг друга по имени. – Как дела?

– Все в порядке.

– Проблем никаких?

– Нет.

– Вот и хорошо. А теперь слушайте. Приеду завтра утром. На этой неделе в Лондон приехал Вальтер Розенберг, очень хочет посмотреть Уилдерхоуп.

– Вальтер Розенберг?

– Старый друг.

Где-то я слышал это имя.

– Тот самый Розенберг, который работал с Калиновским?

Именно Калиновский способствовал тому, что электрошоковая терапия начала применяться в США.

– Да, у них было несколько важных совместных проектов. – Мейтленд замолчал. Я услышал, как он прикуривает. – Хочу, чтобы вы обязательно присутствовали, когда я буду показывать ему больницу.

Мы немного поговорили о Розенберге. Этот человек возглавлял крупную психиатрическую клинику на Лонг-Айленде.

– Пятнадцать тысяч мест! – воскликнул Мейтленд и издал горький смешок. – Да, в Америке все по-другому. Боюсь, если мы не последуем их примеру, так и будем вечно плестись в хвосте. – Затем уже более веселым тоном прибавил: – Господи! Уже так поздно? У меня ведь ужин в клубе. Увидимся завтра.

На следующее утро я пересек коридор и выглянул в окно, выходящее на запад. «Бентли» Мейтленда уже стоял на подъездной дорожке. Я позавтракал в столовой и быстро проделал обход, чтобы в последний раз убедиться, что все нормально. Когда я снова выглянул в окно в половине одиннадцатого, рядом с «бентли» появился длинный, будто катафалк, «ягуар». Рядом стоял шофер, прижав к уху транзисторный приемник.

Я вернулся в мужское отделение и стал читать новые записи. И тут сообразил, что обручальное кольцо сестры Дженкинс так и не нашли. Несомненно, разыскивать драгоценность среди чьих-то фекалий – занятие не из приятных. Должно быть, практикантка хотела покончить с неприятной работой как можно скорее и не слишком старалась. В таком случае драгоценное кольцо сестры Дженкинс затерялось в глубинах канализационной системы. Я как раз думал об абсурдности ситуации, когда подошла новая медсестра, только что из Лондона, и сказала:

– Извините, доктор Ричардсон, доктор Мейтленд ждет вас у себя в кабинете.

Я поспешно вернул карточку обратно в шкаф и поднялся наверх.

Мейтленд, как всегда, приветствовал меня крепким рукопожатием:

– Проходите, Джеймс.

Я ожидал увидеть одного визитера, но на честерфилдском диване сидели двое мужчин. Пожилого я узнал сразу же – это был один из американских коллег с фотографии в кабинете Мейтленда. Теперь он выглядел старше лет на десять, однако сохранил стройность и подтянутость, лицо покрывал ровный загар. Другой был намного моложе – атлетического телосложения и с квадратной челюстью. Волосы были подстрижены настолько коротко, что на первый взгляд он казался лысым. Сначала меня представили Вальтеру Розенбергу, затем его спутнику, Баку Страттону, – как оказалось, он работал в американской фармацевтической компании.

Мейтленд и Розенберг говорили не умолкая. И все же я не чувствовал себя лишним. Мне нравилось просто сидеть и слушать. Истинная привилегия наблюдать, как два гиганта психиатрии ведут дискуссию, обмениваются идеями. Через некоторое время я подошел к столу Мейтленда, чтобы принести Розенбергу чистую пепельницу, и увидел, что нижний ящик серого картотечного шкафчика приоткрыт. Внутри лежало несколько папок. Мельком я разглядел одно из имен. На папке было крупными буквами написано: «Кэти Уэбб».

Розенберг оказался прекрасным рассказчиком, особенно хорошо ему удавались смешные истории. Я как раз смеялся над одной из шуток гостя, когда Мейтленд вдруг попросил меня рассказать об эдинбургских исследованиях. Особенно его интересовал последний эксперимент, когда выяснилось, что даже в спящем состоянии мозг реагирует на эмоционально значимые стимулы. Например, стоило прошептать имя жены или мужа испытуемого, и электроэнцефалограмма мгновенно отражала повышенную активность, даже если человек глубоко спал. Молчавший до этого момента Страттон вдруг оживился и начал задавать очень конкретные, специальные вопросы. Мне показалось странным, что сотрудник фармацевтической компании так много знает об исследованиях сна.

– Эти результаты уже опубликованы? – спросил Розенберг.

– Нет, – ответил я. – Статья пока в работе.

– Буду очень благодарен, сэр, если пришлете мне копию, – проговорил Страттон и достал из кармана визитку.

Я не привык, чтобы ровесники обращались ко мне так уважительно, и немного смутился. На карточке было написано только имя и адрес: Восточная Сорок вторая улица.

– Что ж, джентльмены, – Мейтленд хлопнул в ладоши, – начнем, пожалуй?

Все закивали, и мы вышли в коридор. На площадке Мейтленд остановился и провел ладонью по резным перилам.

– Считается, что эти замечательные зверушки выполнены самим Робертом Гринфордом, другом Уильяма Морриса. Он тоже входил в братство прерафаэлитов.

Внизу мы встретили Хартли, он как раз протирал перила какой-то прозрачной маслянистой жидкостью. Хартли стоял на коленях с тряпкой в руке, но при нашем приближении встал по стойке «смирно», будто солдат, и почтительно склонил голову. На первом этаже Мейтленд указал на доспехи и сообщил, что это вещь начала пятнадцатого века. Сначала мы зашли в мужское отделение, потом в женское, но главным пунктом программы была комната сна. В ней мы и пробыли дольше всего – больше часа.

Розенберг задавал многочисленные вопросы о лекарствах и витаминах, спрашивал, не используем ли мы инсулин для повышения аппетита. Он обходил кровати кругом, вглядывался в лица пациенток, время от времени слушал им сердце при помощи стетоскопа. Мне не понравилась такая хозяйская бесцеремонность, и я не мог дождаться, когда он наконец оставит их в покое. Страттон встал в тени, прислонившись к стене, расставив ноги и убрав руки за спину. Был час дня – пора будить и кормить пациенток. Розенберг пожелал остаться и посмотреть.

Сестра Дженкинс с обычной четкостью руководила всей сложной процедурой – подъемом, кормлением, приемом лекарств, походом в туалет. Когда пациентки ели, Розенберг попытался разговорить Кэти Уэбб. Представился и попросил ее решить простой арифметический пример, но девушка сосредоточила все внимание на вилке, на него даже не взглянула.

– Да, – произнес Розенберг, повернувшись к Мейтленду. – Наши точно такие же.

– Ваша группа давно лечится? – спросил Мейтленд. Так он их всегда называл – группой.

– Пять месяцев, – ответил Розенберг.

Мейтленд вздрогнул от неожиданности.

– Пять месяцев?

– Да. Впрочем, не подряд – пришлось сделать большой перерыв, – подтвердил Розенберг. – Не все идет по плану. Двоих мы потеряли.

– Проблемы с кишечником?

– Нет, легочная инфекция. Вот такая неудача.

Мейтленд кивнул.

– А в следующий раз сколько будет длиться терапия?

– Посмотрим, сколько понадобится, – ответил Розенберг. – Я вам сообщу, как идут дела.

Когда все пациентки снова уснули, Мейтленд похвалил сестру Дженкинс.

– Отличная работа, – тихо произнес он.

Снова Мейтленд говорил и действовал четко, по-военному. Американцы направились обратно в кабинет вместе с ним, я же вернулся в комнату сна. На прощание Розенберг сжал мою руку и проговорил:

– Будете когда-нибудь в Нью-Йорке – сразу звоните. – Глаза его светились живым умом.

Я поблагодарил за приглашение.

В половине четвертого «ягуар» все еще стоял около больницы. Но, когда я выглянул в окно два часа спустя, обе машины уже уехали.

Тем вечером я сидел возле бюро и пытался закончить статью, но остался недоволен написанным. Язык был слишком сух, предложения отрывисты – текст читался трудно. К тому же разболелась голова – видимо, из-за тщетных попыток сосредоточиться. Я закурил сигарету и

подумал о Джейн. Закрыв глаза, и наш поцелуй предстал передо мной во всех подробностях. Я вновь ощутил вкус ее губ, запах ее духов.

После поездки в Саусуолд нам всего один раз удалось поговорить наедине. Я предложил снова встретиться в выходные, но Джейн уже пообещала матери, что навестит ее в Лондоне. Джейн крепко сжала мою руку и сказала: «Ничего. Мы обязательно справимся». Правда, я не совсем понял, о чем она.

От мощного порыва ветра задрожали оконные стекла. Я решительно перечеркнул только что написанные два абзаца. Затушил сигарету и убрал бумаги в нижний ящик. Резерпин был все еще там. Руки не доходили выбросить. Я взял таблетки, повернулся к мусорному ведру, но почему-то передумал и положил лекарство на место. Посмотрел на часы. Было половина двенадцатого.

Зевая, прошаркал по коридору и добрался до спальни. Нашупал в темноте выключатель. Раздался тихий щелчок, и комнату озарил свет. Вот большая металлическая кровать, комод, массивный платяной шкаф. А посередине ковра, примерно в ярде от меня, поблескивал какой-то маленький предмет. Я присел на корточках.

– Это же...

Я и сам не заметил, как произнес эти слова вслух, голос звучал неестественно громко.

Я поднял предмет и положил на ладонь. Это было обручальное кольцо. Я попытался надеть его на указательный палец, но мне оно было мало. Вне всяких сомнений, кольцо женское.

Неужели я стал жертвой розыгрыша? У Хартли есть запасной ключ... Но я тут же сообразил, что ни он, ни сестра Дженкинс не похожи на любителей подобных забав. К тому же трудно представить, чтобы эти двое что-то делали вместе. Может, сестра Дженкинс приказала Хартли подбросить кольцо ко мне в комнату, чтобы потом обвинить меня в краже? Нет, это какая-то глупость. В голову приходил один вариант за другим, и все одинаково нелепые. Оставалось одно: Алан Фостер спрятал кольцо сестры Дженкинс в заднем кармане моих брюк, а сегодня утром, когда я одевался, оно выпало. Тот факт, что я не почувствовал кольцо в собственном кармане, только лишний раз доказывал, как я замотался на работе.

Я уже хотел звонить сестре Дженкинс, чтобы сообщить, что кольцо найдено, однако решил, что не стоит говорить ей правду. Чего доброго, подумает, что я слишком рассеянный, или обвинит в халатности. А потом еще поделится наблюдениями с Мейтлендом. Как следует поразмыслив, я решил сочинить какую-нибудь историю, чтобы не выставить себя с неблагоприятной стороны. Положил кольцо на тумбочку и откинул с кровати покрывало.

Лежа в постели, я слушал шум моря и вспоминал поцелуй с Джейн. Вскоре могучие волны унесли меня в океан сна.

*«От доктора Джозефа Грейсона
Отделение психологической медицины
Королевская лондонская больница
Уайтчепел
Лондон E1*

*23 июня 1955 года
Доктору Хью Мейтленду Отделение психологической медицины
Больница Святого Томаса Лондон SE1*

Уважаемый доктор Мейтленд! Спасибо, что согласились принять пациентку, о которой мы с вами вчера говорили по телефону, – мисс Изабель Джойс Стивенс (дата рождения – 12.10.1929, адрес – Олд-Элмс-Хаус, 28, Роуп-стрит E2). Я наблюдаю ее уже пятнадцать месяцев и хотел

бы услышать ваше мнение относительно того, что следует предпринять в дальнейшем. Пациентке двадцать шесть лет, но за свою короткую жизнь она успела обзавестись сразу многими диагнозами, причем некоторые довольно необычные. Среди них – маниакально-депрессивный психоз, меланхолия и катоптрофобия. Мое мнение таково: пациентка страдает от тяжелой формы маниакально-депрессивного состояния с ярко выраженными психотическими расстройствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.